

О. С. НАГОРНАЯ, Т. В. РАЕВА

ИСКУССТВО “СОЧЕТАТЬ” К. А. ФЕДИНА: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ СОВЕТСКОГО ПОСЛА КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ¹

На основе дневников К. Федина выявлена специфика символической коммуникации периода Холодной войны, приемы вовлечения деятелей культуры в систему внешнеполитических репрезентаций, пространства принуждения и свободы акторов. Портретный ряд послевоенных деятелей советской культурной дипломатии позволил выделить линии преемственности и разрыва с предыдущей эпохой, когда главными репрезентантами советской международной политики в области культуры оставались сталинские писатели. Их международный авторитет использовался для позиционирования СССР в роли миротворца, смягчения конфликтного образа внешнеполитического курса социалистического лагеря в глазах зарубежной общественности.

Ключевые слова: культурная дипломатия, внешнеполитические репрезентации СССР, советские писатели, Константин Федин, европейская культура XX века

В настоящее время Константин Александрович Федин не входит в ту когорту советских писателей, которая привлекает внимание широкой аудитории: его произведения не включены в школьную программу и редко переиздаются. Личность и творчество Федина интересуют в основном профессионалов: литературоведов, биографов, музееведов. Историки обращаются к этой фигуре при изучении личных и институциональных аспектов управления культурной политикой: долгие годы Федин являлся руководителем Московской писательской организации и почти два десятилетия первым секретарем (1959–1971) и председателем правления Союза писателей СССР (1971–1977)². В центре изучения оказываются прежде всего довоенный и военный периоды жизни Федина, когда формировался его литературный стиль, появились наиболее значимые произведения. Послевоенный этап, внешне благополучный, отмеченный почетными званиями и высокими должностями, причислением к ряду живых классиков советской литературы, но скудный в творческом отношении, конформный, рассматривается обычно из перспективы участия Федина в политических кампаниях против Б. Пастернака, А. Солженицына и др. Вклад писателя во внешнеполитические репрезентации СССР на международной арене в период Холодной войны изучен, напротив, слабо: упоминаются лишь его контакты в зарубежной писательской среде либо оценивается влияние европейской культурной традиции на его творчество³.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФ (проект №16-18-10213).

² Колобов 2016.

³ Брайнина 1983.

Между тем, фигура Федина довольно заметна в советском культурно-дипломатическом ландшафте. В послевоенный период он оказался тесно вплетен в ткань международной коммуникации СССР, являясь членом Президиума Советского комитета защиты мира (СКЗМ), председателем Общества советско-германской дружбы (с 1957 г.), участником многочисленных встреч с иностранными литераторами и читателями. Этот опыт, от первого лица раскрывающий стратегии актора советской культурной дипломатии, его чувства, мысли, восприятие лозунгов, запечатлелся в дневниках писателя, которые хранятся в его личном фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства. Федин вел записи в течение почти всей жизни, считая, что настоящая биография художника должна быть не описанием фактов его бытия, но объяснением того, как поняты им эти факты⁴. Некоторым зарубежным поездкам Федин посвящал отдельные дневниковые тетради, подробно описывая этапы их подготовки, свои отношения с советскими и иностранными органами, курирующими культурные связи, личные впечатления от путешествий. Аналитическая информативность источника данного типа возрастает вследствие продолжительности деятельности Федина в культурно-дипломатической сфере – на его век приходится смена трех ключевых периодов развития системы внешнеполитических репрезентаций СССР: ожидания перемен эпохи позднего сталинизма, хрущевского культурного наступления и последующего периода экстенсивного развития⁵. Помещение эго-документов в более широкие социокультурные контексты дает возможность проанализировать особенности символической коммуникации периода Холодной войны и выявить пространства свободы «полпредов без мандата». Такая исследовательская перспектива позволяет внести вклад в актуальные дискуссии о логике и эффективности культурной дипломатии СССР⁶, государственно-частном партнерстве в международных отношениях эпохи биполярного противостояния⁷, транснациональных сетях интеллектуального сообщества⁸.

*«Право же – никогда не соблазнялся дипломатической работой!»
Сталинские писатели в котлете послов советской культуры*

С началом Холодной войны Советский Союз приступил к поиску новых инструментов духовной мобилизации собственных граждан и зарубежной общественности, линия идеологического фронта пролегла сквозь творческое и научное сообщество. Опираясь на авторитет освободителя человечества от фашизма, доказавшего превосходство своей идеологической системы победой в войне и быстрым восстановлением

---

⁴ Федин 1959.

⁵ См.: Советская культурная дипломатия...

⁶ Gould-Davies 2003; David-Fox 2015.

⁷ Hollander 1981; Nagornaia, Nikonova 2018.

⁸ Metger 2016; Попов 2016.

хозяйства, советская система культурной дипломатии пыталась завоевать симпатии иностранной аудитории, расширить круг «симпатизантов СССР» с маргинальной группы левых интеллектуалов до широкой международной общественности. В традициях межвоенного сталинизма медиаторами советских внешнеполитических репрезентаций в этот период оставались писатели, обладавшие значительным символическим капиталом – авторитетом, известностью, широкими контактами в зарубежной среде. Они могли обеспечить успешное исполнение «дипломатического спектакля» на внешней и внутренней сцене благодаря мастерству публичного выступления, политической компетентности, дисциплинированности, которую обеспечивала система отбора и постоянной духовной мобилизации вовлеченных. Культурные дипломаты первой послевоенной волны совмещали множество международных публичных позиций: так, И. Эренбург являлся одновременно членом президиума Всемирного совета мира, комитета Международных премий мира, председателем советско-французского общества дружбы и т.д.⁹; А. Корнейчук, А. Фадеев – членами президиума Всемирного совета мира.

Константин Федин был вовлечен в культурно-дипломатическую работу в 1949 г.. Для партийных кураторов выбор его в качестве участника международной коммуникации обуславливался, вероятно, рядом причин, которые сглаживали возможные риски, связанные с не вполне канонической для советского писателя биографией (в ней отсутствовали участие в революционной борьбе и «большевистский стаж»), а также подозрениями в идеологических уклонах и шпионаже в пользу Германии¹⁰. Решающее значение для этого выбора имела демонстрируемая Фединым лояльность как результирующая его личных качеств: веры в социалистическую идею, гибкости его характера¹¹, ощущения бессилия перед системой, а также трагического опыта столкновения с властными механизмами сталинизма в сфере литературы. Длительная работа в роли журналиста и редактора в довоенный период позволила ему овладеть официальной риторикой, четко усвоить пределы допустимого в публичном самовыражении и придерживаться их под воздействием не только внешнего принуждения, но и самоцензуры. Анализируя в дневнике дух «советского времени» и новое положение литературы, где возможность творчества существовала, если писатель безоговорочно подчинялся идеологии и «вождям» пролетарского искусства¹², Федин, внутренне отторгая такой порядок, приходил к его оправданию и примирению с действительностью. «Мы обязаны связать себя с нашим временем, ибо иначе мы обречены на бесплодие. Даже тогда, когда мы ви-

⁹ Нагорная 2015.

¹⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 494.

¹¹ Окланский. Уроки с репетитором...

¹² Цит. по: Кабанова 2015. С. 244-245.

дим заблуждения эпохи, мы – писатели – обязаны разделять эти заблуждения»¹³, – обосновывал он свою конформистскую позицию.

Тяжелые годы, пережитые Фединым в середине 1940-х, когда громкой критике подверглось написанное с любовью к литературному учителю произведение «Горький среди нас» и нависла опасность политического процесса по обвинению в шпионаже, сделали его еще более податливым, осторожным и «удобным» для власти, в т.ч. в роли «посла» культурной дипломатии. Работа в качестве специального корреспондента газеты «Известия» на Нюрнбергском процессе (1945 – февраль 1946 г.) подтвердила перспективность его использования за границей. Присуждение в 1949 г. звания лауреата Сталинской премии первой степени за романы «Первые радости» (1945) и «Необыкновенное лето» (1947–1948), прославлявшие вождя, стало символическим знаком прощения и включения в когорту ведущих советских писателей.

Федин также обладал набором значимых качеств, необходимых для выполнения возложенных функций. Опыт длительного пребывания в Европе позволял ему чувствовать себя относительно спокойно и уверенно в новой роли: как свидетельствует сам писатель, он не испытывал удивления новичка перед «ихней» жизнью, а, возвращаясь домой, не поражался разницей¹⁴. Федин прекрасно владел немецким языком и мог поддержать привычный для западной творческой интеллигенции стиль общения, расположить к себе иностранную аудиторию. Такие навыки у (не)официальных послов советской культурной дипломатии встречались довольно редко: во время поездок за границу в конце 1940-х–1950-е гг. Федин зачастую был единственным представителем СССР, говорившим по-немецки¹⁵. Кроме того, он был известен за рубежом. Еще до войны, при содействии Горького, он познакомился с И. Бехером, Л. Фейхтвангером, Л. Франком, Л. Арагоном и другими представителями европейского литературного бомонда. Его произведения, в которых большое внимание уделялось теме западноевропейской современности, вызывали интерес определенного круга иностранных читателей. Возможно, некоторое значение для кураторов культурной дипломатии СССР имела способность Федина держать себя: его представительная внешность, интеллигентность, умение расположить собеседника, прекрасно модулирующий голос (наследие актерского прошлого) выгодно представляли культурного советского человека.

Совокупность личных и профессиональных качеств, приемлемых для партийно-государственных руководителей, обеспечила включение Федина в пул неофициальных послов. Его позиционировали как глубо-

---

¹³ Цит. по: Фрезинский 2003.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 25. Л. 49–50.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 108об., 112; Д. 18. Л. 9об.–10.

кого знатока европейской культуры, требуя участия чуть ли не в каждом советском мероприятии, связанном с Западной Европой¹⁶. Для многочисленных культурно-дипломатических институций: Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (далее – ВОКС), СКЗМ, Иностранной комиссии Союза писателей и даже Комитета советских женщин – он стал одной из центральных презентационных фигур внутри страны и за рубежом. Конференции (конгрессы, съезды) международных организаций, встречи с зарубежными представителями, участие в праздничных мероприятиях (неделях, месячниках дружбы), выступления в зарубежных и советских СМИ по международным вопросам превратились Федина в общественно-политическую «нагрузку». Культурно-дипломатическая миссия пронизывала даже частные пространства – лечение за границей, домашнюю и дачную жизнь.

Согласие самого Федина на участие в этих мероприятиях зачастую не требовалось: его назначала Инстанция или соответствующая организация международной культурной связи, опирающаяся на авторитет Политбюро ЦК КПСС. Если речь шла о поездках за границу, на решение могло влиять мнение советских послов и иностранных контрагентов, которые в своих обращениях указывали на подходящего советского представителя¹⁷. Одна из типичных записей в дневнике иллюстрирует подневольность писателя в категориях долженствования и неизбежности: «Сегодня был в ВОКСе, уклониться от поездки невозможно. Через три дня должен выехать, вместе со всей делегацией в Румынию. [...] Телеграмма от Тихонова: 6.11 в Москве должны собраться все советские делегаты на Всемирный конгресс сторонников мира»¹⁸. Обязательность исполнения такого дипломатического «поручения» в сталинский период не только не предполагала возражения или отказа, но и полностью вытесняла личную жизнь: когда в 1952 г. во время одной из поездок серьезно заболела жена Федина, глава делегации К. Симонов два дня не доводил до него эту информацию, чтобы не отвлекать его от встречи с канцлером ФРГ¹⁹.

«Моя подпись под письмом была согласована со мной по телефону»: пространство принуждения в советской системе культурной дипломатии

Анализируя опыт взаимодействия Федина с советскими институциями, можно обозначить специфику использования ведущих писателей в рамках культурно-дипломатической деятельности в послевоенный период. Несмотря на попытки согласования мероприятий между многочисленными структурами и даже конфликты за первенство в определе-

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 15. Л. 136–137.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 19. Л. 148.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 145об., 157об.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 18. Л. 9об.–10.

нии и координации отдельных направлений сотрудничества, система не смогла обеспечить долгосрочное перспективное планирование с детальной проработкой отдельных мероприятий. Ориентиром становилось представление о наличии некоего спектра приемлемых (кажущихся эффективными, политически выгодными) возможностей, которые следовало оперативно использовать при наличии благоприятной внутренней и внешней конъюнктуры. Для работы культурно-дипломатических организаций были характерны частая отмена или изменение сроков проведения мероприятий, перетасовка персонального состава делегаций, позднее информирование участников, сказывавшееся на качестве их выступлений. Подобное «управление в ручном режиме» выливалось для низовых акторов в продолжительные туры по нескольким странам (городам) с посещением множества разноплановых мероприятий и выполнением бесконечного числа сопутствующих поручений. К примеру, отправляясь в 1952 г. в поездку на конференцию по защите детей, Федин дополнительно проводил встречи в обществе дружбы, в литературных редакциях, выпускающих его произведения за границей, делал доклады в университетах, а на обратном пути осуществлял сопровождение иностранных делегатов одной из миротворческих конференций, возвращавшихся на родину через Москву²⁰.

Подобное выстраивание схемы культурно-дипломатической деятельности усложняло положение «неофициальных послов» и снижало их эффективность. Реактивный режим работы держал их в состоянии постоянной мобилизации на всех этапах: от планирования поездки до отчета о ней. Несмотря на предварительную подготовку и обязательное инструктирование делегаций в соответствующем отделе ЦК или ВОКСе, окончательную ясность относительно программы пребывания они получали от советских дипломатических работников только по прибытии к месту назначения, поэтому внесение корректив в заготовленные выступления зачастую требовали дополнительных усилий или произносимые речи ограничивались общими фразами. Судя по дневниковым записям Федина о зарубежных поездках, насыщенность графика и темп мероприятий были изнурительны: «мучительная гонка», «20 дней непрерывных встреч, едва держась на ногах», «не распоряжался собой», «нет времени на сон». Однако и после окончания поездки культурно-дипломатические обязанности членов делегаций не прекращались: они выступали с отчетами на собраниях, публиковали статьи о путешествии, транслирующие идеологически выверенный рассказ о международном положении и культурных связях СССР для внутренней аудитории. Несогласованность работы вовлеченных в советскую культурную дипломатию институций приводила к частым срывам планов и к выработке

---

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 16.

уклонистских стратегий, о которых речь пойдет ниже. В 1951 г. Федин записывает: «13.09 Вдруг приезжает представитель ВОКСа и уговаривает поехать не в Чехословакию, а в Австрию... 14.09 Звонок из ВОКСа: просят оставить в силе договоренность на счет Чехословакии, – Австрия же отпадает... 30.09 ...звонок из ВОКСа. Вновь перемена: я должен все-таки направляться в Австрию! При этом в самое ближайшее время: если удастся оттянуть отъезд до 12 октября, то это счастье»²¹.

Приняв на себя полномочия актора советской культурной дипломатии, Федин оказался вовлечен в непрекращающуюся серию имиджевых мероприятий. Формализованные выступления на празднованиях, посвященных дружбе и международному сотрудничеству, публикации юбилейных статей, сводившиеся к воспроизводству официального дискурса, в основном, тяготили его. Пример Федина, а также других сталинских писателей, позволяет в некоторой степени объяснить эффект формализации международного дискурса в СССР. По возвращении из Германии, где он принимал участие в Конгрессе немецких писателей 1950 г. и получил поручение сделать тематическую статью, Федин писал: «Странно то, что сложилось мучительное убеждение, будто моя личность, мое индивидуальное отношение к вещам не нужны. Моей рукой перестала водить моя воля. [...] Я занят... боязнью, что оно (слово) может отозваться чем-нибудь отлично от резонанса на общепринятые и общераспространённые мысли. [...] Эти москитно-маленькие, но непрестанные уроки не могут не возыметь огромного по результату действия: перестаешь верить, что ты способен выражать себя самостоятельно, без подсказок, поправок, подпорок и перевязок, и обречен на превращение в механизм, управляемый всяким любителем прописей»²². Позже формализация советской культурно-дипломатической деятельности еще больше пронизывала всю систему: даже за авторитетных писателей выступления сочинялись сотрудниками ведомств. После вечера, посвященного образованию Общества советско-германской дружбы, председателем которого Федин оставался до конца жизни, он записывает: «Впервые прочитал речь, подготовленную за меня сотрудниками ВОКС. Чувствовал себя граммофоном...»²³.

Тем не менее, заключив «делку совести» с системой, Федин видел свою главную задачу в демонстрации положительного образа СССР на международной арене. Такая установка полностью соответствовала его убеждениям. Не сомневаясь в фундаментальных идеологических основаниях советского государства, он рьяно убеждал иностранную аудиторию в правильности социалистических идей. Очевидные для него недо-

²¹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 15. Л. 91, 99.

²² РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 116об.–118.

²³ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 27. Л. 9об.

статки повседневной жизни в Советском Союзе и наблюдаемые материальные достижения западных стран не приводили его к выводу о превосходстве капитализма, не разрушали ценности и идеалы советского строя. Устойчивость его убеждений, как представляется, обеспечивала признание и принятие порядка, в котором советская риторика расходилась с реалиями, рационализация советской отсталости через увязывание ее с огромным дореволюционным отставанием и разрушительными последствиями Великой Отечественной войны, а также укорененное представление об агрессивности капиталистического мира и миролюбии СССР, блокировавшее доверие, симпатию и расположение к странам Запада и обеспечивающее поддержку собственного правительства.

Работа с зарубежными аудиториями, настроенными скептически и даже враждебно к СССР, провоцировала у Федина всплески ораторского вдохновения: он реагировал отрицанием любых обвинений, часто даже переходя на агрессивный тон. Воспринимая западную критику как часть политической игры против Советского Союза, Федин считал своей задачей отразить ее и не дать новых поводов для антисоветской пропаганды, особенно во время пребывания в капиталистических странах. Самоконтроль и настороженное отношение к зарубежным собеседникам, многие из которых представлялись ему шпионами, облегчали для него решение этой задачи. Жалуясь на внешнее давление и самоцензуру на страницах дневника, на публике писатель резко отвергал предположение зарубежных визави о том, что советским литераторам дают руководящие указания и лишают их творческого начала: «На встрече с профессорами Йенского университета несмелый профессор задает вопрос: пишем ли мы в СССР о чем хотим, или нам дают Richtlinien? Я становлюсь агрессивным и очень молодою. Настолько, что под конец читаю Гете в оригинале и в переводах Жуковского и Лермонтова... Встреча была во всех отношениях необыкновенна...»²⁴.

Тема свободы и принуждения акторов культурной дипломатии оставалась актуальной и в хрущевский период культурного наступления. Особенно ярко это противоречие иллюстрируется на примере знаменитого письма, опубликованного в «Литературной газете» в ответ на протест французских писателей против вторжения советских войск в Венгрию. Федин записывает в дневнике: «Моя подпись под письмом была согласована со мной по телефону. Содержание письма нельзя разделить, оно говорит о трагических фактах, как они были и как оцениваются нами: выбор был ведь один – либо фашизм в Венгрии, либо давление его... нами. Поскольку оказались против него бессильны венгры (либо поскольку... были с ним!)». Не имея возможности уклониться от давления и принуждения со стороны системы, писатель под прикры-

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 147об. –148об.

тием размышлений о неудачной риторике письма тем не менее критикует эту акцию: «Но редакция письма не на особой высоте, и оно должно было быть короче, чтобы быть вполне сильным. Тема “выбора” должна быть контрастнее выражена. У нас есть места риторические, чего совсем нет в очень кратком выступлении французов (наших друзей и “попутчиков” – Сартра, Веркора и др.), и слишком много наших подписей – количеством тут не возьмешь. Словом, это должно было быть сделано лучше и прозвучать значительнее»²⁵.

Столь же ясно писатель осознал свое бессилие перед непрекращающимся надзором границей, осуществляемым переводчиками, руководителями делегаций, сотрудниками посольств. В попытке нормализовать для себя ситуацию недоверия со стороны системы, Федин возмущался не фактом слежки, а непрофессиональными методами работы спецслужб: «[...] Решил сходить в цирк, но т.к. билетов не было, попросил контролера достать место в какой-нибудь ложе, очень хотел попасть в цирк. Наверно моя настойчивость внушила подозрение, – меня взяли на прицел. [...] В цирке ко мне подсел человек, который под видом газетного репортера, желал записать мои впечатления от новой программы. Было смешно и преглупо из-за приключения со старым, тупым сыщиком... Я отбрил его грубейшим образом, высмеяв и почти прогнав от себя, и он ретировался... Но если в столь изящном деле работают идиоты, вроде моего “репортера”, не имеющего представления о газетчиках, то нет ничего проще настоящим разведчикам, вышколенным на Западе, выуживать на Востоке все, что им требуется»²⁶.

Будучи плотно интегрированным в систему внешнеполитических репрезентаций СССР, Федин часто размышлял о возможных путях повышения эффективности ее работы, призывая к отказу от формального произнесения ритуальных речей и к использованию иных инструментов пробуждения доверия зарубежной общественности: «Разъезжаю по гостиницам. Кланяюсь. Пожимаю руки, произношу тосты. Что проку?... Все делается для “связи” литератур, совершенно абстрактной, потому что когда наши гости возвращаются к себе домой, они забывают нас как людей, – в силу одинаковости нашего поведения, мы сливаемся в одно лицо, и это лицо ест, пьет, произносит все один и тот же тост, и гости помнят только, что они тоже ели, пили и произносили все тот же тост, только на своем языке. Как после такого ритуала, можно стать “друзьями”? А ведь в завоевании друзей и мог бы только быть смысл такого общения»²⁷. Конкретные меры вносились писателем и на совещаниях по подготовке масштабных мероприятий с участием советских представи-

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 26. Л. 43об.–44.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 28. Л. 27–27об.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 17. Л. 10–11.

телей. Например, перед поездкой в Вену на конференцию в защиту детей Федин предлагал представителям инстанций взять с собой «ноты, книги, радиопленки с записями детских хоров, концертов, письма от школьников для детей других стран – вообще побольше вещественных свидетельств мирного быта и разумного воспитания в СССР, чтобы все это продемонстрировать. Раздать и подарить их на конференции. Каждый такой маленький знак внимания принимается обычно иностранцами как откровение и получает резонанс в далеких уголках земного шара. ...Встреча, посвященная детям, их счастью и будущему, казалось бы, должна протекать более оригинально». И здесь же фиксируются свидетельства инертности партийных деятелей, привыкших работать по стандартному сценарию: «Мои предложения были записаны, их обещали рассмотреть... но, разумеется, осталось мало времени и пр., и пр»²⁸.

Особенно жестко звучала критика Федина в адрес советских послевоенных институтов гостеприимства, в частности их стремления к приукрашиванию действительности и отсутствия вкуса: «[...] на всем пути нашего следования видно было, как постарались вокруг прибрать, почистить, устранить лишних людей. Поистине, ужасен наш “Интурист” с его базарным вкусом комендантов и распорядителей, с его рыночными красотами пейзажей в багетных рамах под бронзу, с бумажными салфетками в стаканах, с плюшевыми драпери и конфетными коробками на буфетах – со всем этим шиком заброшенной провинции, рассчитанным на то, чтобы казаться культурненькими и до чортиков богатыми во всем. Наивность здесь беспредельна, и она борется... с вреднейшей халтурой, компрометирующей наилучшие намерения и чувства нашего народа в глазах чужеземца. Нет, я никогда больше не хотел бы сопутствовать приезжающим к нам в гости интуристам!»²⁹.

«Оба гостя говорили о вещах, которые не предают гласности»: стратегия уклонения и неформальная коммуникация интеллектуального сообщества

Положение, в котором тяжесть общественных «нагрузок» и принуждение к выполнению почти лишали возможности заниматься профессиональной (любимой) деятельностью, не являлось уникальным опытом Федина: в той или иной степени его переживали все советские «медийные лица», задействованные в структурах культурной дипломатии. Как и от других, от Федина оно потребовало выработки адаптационных стратегий к роли посредника в международной коммуникации. Невозможность отказа от возложенных обязанностей, страх вызвать неудовольствие партийных кураторов и лишиться достигнутого статуса обусловили использование выжидательной тактики: писатель не прояв-

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 16. Л. 42–43.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 16. Л. 53об. –54.

лял инициативы и не вызывался выполнять «поручения», в ситуации навязывания и давления соглашался либо пытался уклониться от поручений под разными предлогами. Опыт коммуникации с вышестоящими инстанциями, постоянные контакты с представителями партийно-государственного аппарата позволяли Федину прогнозировать вероятность успеха той или иной тактики: ссылок на болезнь, бюрократических проволочек, позволяющих затягивать, делать невозможным участие, срывать сроки планируемых мероприятий: «Из КЗМ запрашивали согласен ли поехать в Англию на конгресс... квакеров. Согласился. Опыт показывал, что такие предложения редко реализуются... Сколько таких проектов отпадало, не успев возникнуть? На днях запрашивали о готовности ехать в Венгрию, но, когда Нина [дочь Федина] перезвонила уточнить детали, сказали, что надобность во мне миновала. Франция, Англия, Чехословакия – отпали, и внезапно опять Венгрия – съезд венгерских писателей. Уклониться невозможно: н а з н а ч е н и е»³⁰.

Любопытно, что всего через несколько месяцев после смерти Сталина, в фединском арсенале приемов сотрудничества с культурно-дипломатическими институтами появляется демонстративный отказ от выполнения общественных нагрузок: «ВОКС предпринимал разные меры, чтобы убедить меня поехать в Германию – телефонные звонки, телеграммы. Я послал официальный отказ Денисову. Но приехала целая делегация на дачу и предприняла серьезную атаку: оказывается “решение о моей поездке уже принято” и ВОКС “не может ничего изменить”, “решение основано на настоятельных требованиях из Германии”, чтобы я прибыл – просят немцы, предлагает наш посол и т.д. Я ответил: считайте меня умершим. И отказался...»³¹.

С другой стороны, спектр мотивов участия в международной коммуникации был достаточно широк. Интерес к путешествиям за границу, стремление к общению с выдающимися коллегами, желание учиться и пробовать себя в новой роли, ощущение личной ответственности за принятые обязательства, особенно в качестве председателя Общества советско-германской дружбы, примиряли Федина с тяжелым бременем «неофициального посла». Он признавался себе на страницах дневника, что занятие общественной деятельностью становилось для него не только уступкой внешнему давлению, но и внутренней потребностью, корыстной, выросшей из тщеславия, самооправдания и приспособления к действительности. То, что он «отзывался на просьбы и нес поручения» представлялось ему исполнением важного общественного долга «перед товарищами, или даже перед народом!»³².

³⁰ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 187 об.–188.

³¹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 19. Л. 148.

³² РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 15. Л. 115–118.

Придание смысла этой принудительной работе в некоторой степени компенсировало отказ Федина от писательского призвания. Попытки найти ответ на вопрос: «сколько сил отдавать общественности, а сколько своей литературе?» – превращали каждое его решение об участии в культурно-дипломатической деятельности в напряженный поиск компромисса, нередко предполагавший уступки в пользу «общего блага».

Несмотря на то, что зарубежные поездки и встречи являлись регламентированными символическими акциями, пронизанными внутренней и внешней дисциплиной, в них было место для неформальной коммуникации, которая, по признанию Федина, оказывалась эмоционально богаче формализованных практик³³. Она необязательно означала выход из «образа» советского посла и возникала обычно в ходе знакомства и общения с лично интересными, вызывающими доверие людьми, преимущественно симпатизантами СССР: «Принесло радость общение с исландским писателем Халдором Лакнесом – большой разговор о литературе, языке, архитектонике романов и т.д. Из всех встреч с западными писателями он мне ближе кого бы то ни было, и я бесконечно рад этому... Мы расстались дружески не потому, что это было “положено”, а в силу живой искренности»³⁴.

В свою очередь, Федин стремился оказать поддержку своим партнерам по неформальной коммуникации: он использовал свое положение для поддержки зарубежных деятелей культуры в организации гастролей, выставок и т.д. в СССР, в обеспечении им выплаты гонораров советской стороной. Эти усилия служили писателю доказательством собственной полезности, оправданием того выбора, который заставил его пожертвовать литературой.

В силу географической направленности культурно-дипломатических усилий Федина частыми стали встречи с восточногерманской писательницей Анной Зегерс. В рамках полуофициальных встреч на даче писателя или в барвихинском санатории, где отдыхала Зегерс, велись беседы и о политических аспектах социалистической интеграции, нередко выливавшиеся в критику политики обеих стран: «Зегерс мне рассказывала о сплошной коллективизации сельских хозяйств в ГДР и о новой волне ухода людей в ФРГ. Она не понимает, зачем нужно это сейчас? И я не понимаю...»³⁵ В непубличных разговорах более остро звучали проблемы социалистической литературы, когда Зегерс делилась своими нелестными «наблюдениями за действительностью – немцы строят социализм из материала, служившего райху. Люди приспособляются, но в прошлом они служили Гитлеру и многие остаются преж-

³³ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 27. Л. 85.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 31. Л. 6-7.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 31. Л. 8об.

ними. Есть ли место для оптимизма, если писатель будет верен такой действительности – главный вопрос для немецкой литературы»³⁶.

Неформальная коммуникация с зарубежными литераторами служила советским интеллектуалам не только вентилем в пронизанной принуждением системе культурно-дипломатической работы, но и пищей для размышлений о необходимой корректировке целевых установок за границей. Так, например, беседы с И. Бехером об истинных причинах высказываемого западными литераторами интереса к социалистическим странам натолкнули Федина на мысль о том, что «надо быть настороже к такой “тяге” на Восток. ...надо изучать великолепно-разветвленную пропаганду Запада среди интеллигенции востока Германии. Она обрабатывает почти каждую область интеллектуальной жизни в совершенно “индивидуальном” плане, зная чуть не всякую слабую струнку, чуть не каждого отдельного интеллигента»³⁷.

Степень своеволия акторов советской культурной дипломатии простиралась в сферу использования реноме миротворцев для достижения личных и профессиональных предпочтений. Подобные поведенческие стратегии мы можем наблюдать на примере не столько К. Федина, сколько И. Эренбурга, еще более активно вовлеченного в советское миротворческое движение. По свидетельству Федина, ссылавшегося на личные разговоры с Эренбургом, «чтобы обороняться от критики и нападков на «Оттепель», он решительно использует свое положение “борца за мир”, т.е. популярность среди иностранных литераторов и журналистов... В сущности, его оборона с позиций “сторонника” принесла ему не литературную, а “личную” победу: его никто не собирався ущемлять. Потому что он полезен на своем месте – в международном движении за мир». Дальнейшие беседы с другим актором культурно-дипломатической сцены – К. Симоновым – еще раз подтверждают действенность стратегии использования международного авторитета для давления на систему: «Симонов рассказал об истории Эренбурга. Почему его раскритикованную «Оттепель» выпустили “молнией”. Он хотел ее напечатать в журнале «Советская литература» на иностранном языке, когда ему отказали, решил опубликовать в журнале «В защиту мира». Это послужило поводом к выпуску “молнией”»³⁸.

Подобные тактики, невозможные для Федина в силу личных причин, вызывали у писателя чувство неприятия. Так, в ситуации конфликта с журналом «В защиту мира», одним из редакторов которого как раз являлся Эренбург, Федин отказался переделывать свою статью о конфликте в Корее и дополнить свое возмущение на страницах дневника

³⁶ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 15. Л. 21–22.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 22. Л. 54об.–55.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 20. Л. 80–83.

выпадами против коллеги по писательскому цеху: «Когда горит и тлеет зажатая Корея, я не могу писать “братья возлюбим друг друга”. Лучше я промолчу. Лучше пусть напишет Эренбург. Он может написать на любой лад»³⁹.

* * *

Таким образом, портретный ряд послевоенных деятелей советской культурной дипломатии позволяет нам наметить линии преемственности и разрыва с предыдущей эпохой советского культурного показа, когда центральными репрезентантами советской международной политики в области культуры оставались сталинские писатели – И. Эренбург, А. Фадеев, А. Корнейчук, К. Симонов, К. Федин. В позднем сталинизме их международный авторитет использовался для позиционирования СССР в новой роли миротворца, расширения круга влияния с узкой группы «симпатизантов СССР» левого толка на широкую аудиторию производителей и потребителей европейской культуры, смягчение образа конфликтного внешнеполитического курса социалистического лагеря в глазах зарубежной аудитории. В период «культурного наступления», начавшегося с середины 1950-х гг., произошла стремительная демократизация практик международной коммуникации: вовлечение в эту сферу широких слоев советского населения и появление новых целевых групп в зарубежной аудитории, в том числе переориентация с европейского ареала на страны третьего мира, потребовало изменения культурно-дипломатических стратегий СССР. Важным фактором влияния выступали и внешнеполитические повороты, обусловленные глобальной политикой СССР: вторжение в Венгрию 1956 г., Карибский кризис 1962 г., подавление Пражской весны 1968 г. и т.п. От советских «полпредов без мандата» это потребовало большей гибкости и использования новых медиумов репрезентации, что стало для традиционной писательской элиты (особенно для Федина) непреодолимым вызовом, отягощенным скептической субъективной оценкой оттепельных перемен в стране и в мире⁴⁰. Уже пожилой К. Федин, облеченный всевозможными общественными постами, по должности продолжал поддерживать международные связи, встречать иностранные делегации, исполнять почетные обязанности председателя Общества советско-германской дружбы. Однако данная деятельность все больше подвергалась формализации. К тому же, в конце 1950 – начале 1960-х гг. наметился антиэлитарный культурный поворот и в агентном поле советской культурной дипломатии: сталинских писателей стремительно вытеснили деятели науки, спортсмены и космонавты, более адекватно, с точки зрения системы, репрезентирующие глобальную позицию СССР.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 17. Л. 31–32.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 20; Д. 23. Л. 60об.–61, 113об.–114.

БИБЛИОГРАФИЯ

- David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. University of Pittsburgh Press 2015. 296 p.
- Gould-Davies N. *The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History*. 2003. Vol 27 (2). P. 194–214.
- Hollander P. *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928-1979*. Oxford: University Press 1981. 526 p.
- Metger J. *Studio Moskau. Westdeutsche Korrespondenten im Kalten Krieg*. Paderborn: Schöningh, 2016. 288 s.
- Nagornaia O., Nikonova O. *Sowjetische Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit. Ein Überblick über die neuesten Veröffentlichungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 66 (2018). № 2. S. 274–298.
- Брайнина Б.Я. Федин и Запад. М., 1983. 352 с.
- Власть и художественная интеллигенция. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
- Кабанова И.Э. «Великий перелом» в эго-документах К.А. Фебина конца 1920 – начала 1930-х годов // Эпоха «Великого перелома» в истории культуры: сборник научных статей / под ред. И.Ю. Иванушиной, И.А. Тарасовой. Саратов, 2015. С. 244-245. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24785737_59762246.pdf
- Колобов Е.Ю. *Создание и деятельность Союза писателей РСФСР (1957–1965 гг.)*. Автореф. дис. к.и.н. М., 2016. 24 с.
- Нагорная О.С. «...когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949-1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269–278.
- Оклянский Ю.М. Уроки с репетитором, или Министр собственной безопасности // Дружба народов. 2014. № 5 // URL: <http://magazines.russ.ru/druzhsba/2014/5/10o.html>
- Попов А. *Lost in translation: гиды-переводчики «Интуриста» и оправдание советской действительности // НЛЮ*. 2016. № 6. С. 54–65.
- Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1817. – Федин Константин Александрович (1892–1977) – писатель
- Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны: сборник документов / под ред. О.С. Нагорной и др. Челябинск: Каменный пояс, 2017. 340 с.
- Федин К.А. *Автобиография // Советские писатели. Автобиографии в 2-х тт.* М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1959.
- Фрезинский Б.Я. *Судьбы Серапионов*. СПб.: Академический проект, 2003. 592 с. Опубликовано на сайте URL: <https://coollib.com/b/296128>

REFERENCES

- David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. University of Pittsburgh Press 2015. 296 p.
- Gould-Davies N. *The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History*. 2003. Vol 27 (2). P. 194–214.
- Hollander P. *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928-1979*. Oxford: University Press 1981. 526 p.
- Metger J. *Studio Moskau. Westdeutsche Korrespondenten im Kalten Krieg*. Paderborn: Schöningh, 2016. 288 s.
- Nagornaia O., Nikonova O. *Sowjetische Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit. Ein Überblick über die neuesten Veröffentlichungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 66 (2018). № 2. S. 274–298.
- Braynina B.Ya. *Fedin i Zapad*. M., 1983. 352 с.
- Vlast i hudozhestvennaya intelligentsiya. M.: Mezhdunarodnyiy fond “Demokratiya“, 1999. 872 s.
- Kabanova I.E. «Velikiy perelom» v ego-dokumentah K.A. Fedina kontsa 1920 – nachala 1930-h godov // Epoha «Velikogo pereloma» v istorii kultury: sbornik nauchnyih statey / pod red. I.Yu. Ivanushinoy, I.A. Tarasovoy. Saratov, 2015. S. 244-245. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24785737_59762246.pdf

- Kolobov E.Yu. Sozdanie i deyatelnost Soyuza pisateley RSFSR (1957–1965 gg.). Avtoref. dis. k.i.n. M., 2016. 24s.
- Nagornaya O.S. «... kogda SSSR stal silnyim i moguchim... mnogie narody nuzhdayutsya v nashey družbe»: aspekty izucheniya kulturnoy diplomatiya v sotsialisticheskom lagere (1949–1989) // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 53. S. 269–278.
- Oklyanskiy Yu.M. Uroki s repetitorom, ili Ministr sobstvennoy bezopasnosti // Družba narodov. 2014. # 5. URL: <http://magazines.russ.ru/družba/2014/5/10o.html>
- Popov A. Lost in translation: gidy-perevodchiki «Inturista» i opravdanie sovetskoy deystvitelnosti // NLO. 2016. # 6. S. 54–65.
- Rossiyskiy gosudarstvenniy arhiv literatury i iskusstva. F. 1817. – Fedin Konstantin Aleksandrovich (1892-1977) – pisatel
- Sovetskaya kulturnaya diplomatiya v gody Holodnoy voyny: sbornik dokumentov /pod red. O.S. Nagornoy i dr. Chelyabinsk: Kamennyiy poyas, 2017. 340c.
- Fedin K.A. Avtobiografiya // Sovetskie pisateli. Avtobiografii v 2-h tt. M.: Gos.izd-vo hud. literatury, 1959.
- Frezinskiy B.Ya. Sudby Serapionov. SPb.: Akademicheskii proekt, 2003. 592s. Opublikovano na sayte URL: <https://coollib.com/b/296128>

Оксана Сергеевна Нагорная, доктор исторических наук, профессор кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет, nagornja.oxana@mail.ru

Раева Татьяна Витальевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (НИУ); 7901634@gmail.com

Konstantin Fedin’s art of “combining”: personal experience of a Soviet ambassador of cultural diplomacy

On the materials of Konstantin Fedin’s diaries the authors reconstruct the specific of the symbolic communication in Cold War, the methods of involving cultural figures in the system of Soviet cultural diplomacy, spaces for coercion and freedom in the private-state networks. The post-war portrait series of Soviet cultural diplomacy’s actors demonstrate the lines of continuity or break with the previous era of Soviet culture, when the Stalinist writers remained central representatives of the Soviet “soft power”. Their international authority was used to position the USSR in its new role of the peacekeeper, to spread influence on a broad audience of producers and consumers of European culture, to soften the conflict image of the Soviet policy in the socialist camp.

Keywords: intellectual history, Soviet cultural diplomacy, foreign representations of the USSR, Soviet writers, Konstantin Fedin’s diary, European culture in 20th century

Oksana Nagornaia, Yaroslavl State Pedagogical University, nagornja.oxana@mail.ru
Tatyana Raeva, South Ural State University, 7901634@gmail.com